

А. Ю. Балакин

**РУССКАЯ ЦЕНзуРА
ПРОТИВ ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ
(К издательской истории стихотворения
А. Н. Майкова «Пастух»)**

В анналы русской цензуры вписано немало трагикомических казусов, которые потомками воспринимались лишь как забавные свидетельства казенной трусости и невежества. «Всем известны анекдоты о „вольном духе“, о „лжепророке“ и т. д.; но едва ли кто из теперешних людей может составить себе понятие о том, какому ежеминутному и повсеместному рабству подвергалась печатная мысль»,¹ — когда И. С. Тургенев в 1869 г. писал эти строки, он, конечно, не знал, что всего за три года до этого произошел случай, который по своей абсурдности смело мог бы поспорить с упомянутыми им историями. Причем произошел он не с либеральным публицистом, не с поборником женской эмансипации или автором скандальных фельетонов, а с человеком вполне благонамеренным и благомыслящим, и более того — уже почти полтора десятка лет служившим по цензурному ведомству (правда, в комитете иностранной цензуры). Речь идет о поэте Аполлоне Майкове, которому пришлось столкнуться со своими коллегами по службе из-за казавшегося вполне невинным стихотворения «Пастух (Испанская легенда)».

Сюжет этого большого стихотворения не нов и восходит к античным легендам: некий суровый король дон Педро спрашивает у находчивого юного пастуха: сколько капель в море, звезд на небе и времени у Бога; тот отвечает, что пусть король сначала повелит не идти дождю, звездам сойти с неба, а време-

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 16.

ни — остановиться, и тогда он немедленно все сочтет. Заканчивается история следующим образом:

«Молодец! — вскричал дон Педро,
Хохоча. — Да этот клоп
Всех вельмож моих умнее!..»
Те смеялись, морща лоб.

«Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мне, и есть, и пить,
И один, надеюсь, станешь
Смело правду говорить».

Гранды вовсе растерялись.
«Что он — плут или мудрец?
Грубиян!» — единодушно
Порешили наконец.

Но старались грубияну
Угодить хоть чем-нибудь...
Он же робко озирался,
Как бы в горы улизнуть.

Только дамы бескорыстно
Целовали мудреца,
В нем хваля глаза и розы
Загорелого лица.²

На эту стихотворную шутку едва ли обратил бы внимание даже самый строгий цензор, но, к несчастью, она была написана в очень неудачное время и отдана для публикации в очень неудачное место.

4 апреля 1866 г. произошло событие, серьезно повлиявшее на отношение власти к литературе: на набережной Невы около Летнего сада вольнослушатель Московского университета Д. В. Каракозов попытался выстрелить в императора Александра II. Этот выстрел, по сути, обозначил окончание эпохи «святых шестидесятых»: консерваторы торжествовали, требуя от правительства решительно изничтожить ростки нигилизма и вольномыслия. В ответ на это правительство приняло ряд самых жестких мер. Одной из них было создание особой комиссии под председательством П. П. Гагарина, представившей 23 мая 1866 г. доклад, последствием которого, в частности,

² Майков А. Н. Стихотворения / Вступ. статья Ф. Я. Приимы; Сост., подгот. текста, коммент. Л. С. Гейро. Л., 1977. С. 279–280 (Б-ка поэта. Большая сер.).

было закрытие журналов «Современник» и «Русское слово». Кроме того, на Главное управление по делам печати возлагалась обязанность «иметь особенное наблюдение за направлением „Искры“... и других юмористических и сатирических повременных изданий с политажажами, которые... способствуют развращению народа и распространению в нем вредных противоправительственных мыслей».³ Одним из таких изданий был журнал «Будильник».

«Будильник» появился вследствие финансового конфликта между редакторами «Искры» В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым. Последний еще весной 1864 г. обратился в цензурный комитет с ходатайством об издании нового журнала со сходной программой и получил разрешение.⁴ Степанов привлек к сотрудничеству ряд постоянных авторов «Искры», и начавший выходить с января 1865 г. «Будильник» в скором времени стал не менее популярен, чем его ближайший конкурент. И так же как «Искра», он в 1866 г. стал объектом пристального интереса органов надзора за печатью.

Степанов был старинным другом семьи Майковых, заведующий литературным отделом «Будильника» П. И. Вейнберг также пользовался расположением Аполлона Николаевича, поэтому нет ничего необычного в том, что осенью того же рокового года одно из своих новых стихотворений поэт отдал именно в их журнал. О том, что произошло в дальнейшем, мы можем узнать из письма Майкова, которое сохранилось среди его бумаг:

«Вот, почтеннейший друг, в чем дело. Взяв на цензуру какие-то французские стихотворения, нашел я в них одну испанскую легенду, которая мне понравилась, я и рассказал ее по-русски. Отдал Вейнбергу в „Будильник“; так вещвица, просто миленькая шутка. Теперь цензор задерживает, и требует:

1) Чтоб не было *короля* (дело идет об известном *Петре Жестоком* Арагонском) — если нельзя короля арагонского, то как же пропускают Грозного?

2) Чтоб не было *двора и придворных*.

Прочтите прилагаемую корректуру — и улыбнитесь; а улыбнувшись, вероятно, внесете в Совет для выдачи паспорта несчастной пьеске. Убедительно прошу Вас об этом, да и цензор не будет на

³ Цит. по: *Ямпольский И. Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов: Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). М., 1964. С. 333. (Журнал заседаний Главного управления по делам печати от 30 мая 1866 г.).

⁴ Подробнее см.: *Ямпольский И. Г.* Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. С. 93—95.

меня сердиться, напротив, будет рад, ибо, говорят, мы (т. е. цензора) потеряли всякую руководящую нить и с ума сошли.

Весь Ваш А. Майков». ⁵

Заступничество неизвестного покровителя возымело действие: стихотворение Майкова было опубликовано в журнале без изменений. ⁶ В следующем году оно было перепечатано в первой части литературного сборника «На несколько часов», ⁷ видимо, тогда же было выпущено в виде отдельной листовки, ⁸ а впоследствии Майков без переработки включил его в цикл «Века и народы» итогового собрания стихотворений, ⁹ которое несколько раз переиздавал. Таким образом, этот анекдотический конфликт был счастливо разрешен и не стал достоянием ни мемуаристов-современников, ни историков цензуры. Но кто же поспособствовал его разрешению? Кто был адресатом майковского письма?

Очевидно, это был человек, благодаря своему служебному положению имевший право отдать цензору распоряжение пропустить стихотворение без изменений, взяв ответственность на себя. Помимо председателя Петербургского цензурного комитета, такими полномочиями обладали члены Совета по делам книгопечатания при министре внутренних дел. В 1866 г. его составляли Н. В. Медем, О. А. Пржецлавский, А. В. Никитенко, А. Н. Тихомандрицкий, Н. В. Варадинов и И. А. Гончаров. ¹⁰ Из этих лиц лишь Никитенко и Гончаров были близкими знакомыми Майкова, и только к последнему из них поэт мог обратиться со словами «почтеннейший друг» и с просьбой о покровительстве.

К тому времени Майкова и Гончарова связывала более чем тридцатилетняя дружба, которая «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась, и была всегда тепла, чиста и светла...». ¹¹

⁵ ИРЛИ, № 17380, л. 65.

⁶ Будильник. 1866. № 85—86. 11 ноября. С. 338—339; подпись: М. (ценз. разр. номера — 10 ноября); ср. черновой автограф: ИРЛИ, № 17561.

⁷ См.: На несколько часов: Лит. сборник. СПб., 1867. Вып. 1. С. 67—70.

⁸ Единственный известный нам экземпляр хранится в архиве Майкова: ИРЛИ, № 16632. На листовке помечено: «Из сатирического журнала „Будильник“ за 1866 год, № 85—86» и «Типография департамента уделов».

⁹ Впервые в изд.: Стихотворения А. Н. Майкова. 3-е изд. СПб., 1872. Ч. 2. С. 384—388.

¹⁰ См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1865—1866 год. СПб., [б. г.]. Ч. 1. Стб. 301.

¹¹ Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Майкову от 30 апреля 1888 г. (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 500). Сводку данных об исто-

Одинокий Гончаров находил в семье Майковых уют домашнего очага, дружескую откровенность и близких по духу собеседников. У нас нет свидетельств того, что автор «Обломова» когда-либо оказывал цензурные протекции своему младшему другу, но едва ли он отказал бы ему в подобной просьбе. Если же мы пролистаем сохранившиеся письма Гончарова к Майкову, то найдем письмо, без сомнения являющееся ответом на приведенное нами выше. Вот оно:

«Я сделал, что мог, любезнейший Аполлон Николаевич, и стихотворение Ваше вероятно будет возвращено Вам в его надлежащем, т. е. в своем виде прямо от цензора, которому взял передать его г(осподин) председатель Ценсурн(ого) комитета.

Кланяюсь дружески Вам и Анне Ивановне.

Ваш И. Гончаров

1 ноября».¹²

На автографе год не указан, контекст письма неясен, и поэтому датировка его неизменно вызывала затруднения. Составитель «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» А. Д. Алексеев предложил широкую датировку, отнеся его к 1856–1859 гг. — времени службы писателя в Петербургском цензурном комитете.¹³ Опубликовавшая текст письма С. В. Друговойко предположила 1857 г., связав это с тем, что «в октябре 1857 г. Гончаров занимался рассмотрением рукописи первого тома стихотворений Майкова, которая и была им одобрена к печати 29 октября 1857 г. без каких бы то ни было замечаний (...)». Возможно, что в публикуемом письме речь идет об изменениях, которые Майков намеревался сделать в рукописи. Это позволяет отнести его к 1857 г.»¹⁴ Такое предположение можно было принять в качестве рабочей гипотезы, но, думается, теперь найдены более весомые аргументы в пользу иной его датировки — 1 ноября 1866 г.

Косвенно ее можно подтвердить еще и тем, что на подлиннике, хранящемся ныне в фонде Н. П. Барсукова в РГБ, имеет-

рии отношений писателей см. в предисловии и примечаниях С. В. Друговойко к публикации писем Гончарова к Майкову (Литературное наследство. Т. 102: И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 336–372). См. также: Письмо А. Н. Майкова к сыновьям с воспоминаниями о И. А. Гончарове / Публ. А. Ю. Балакина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 215–223.

¹² Литературное наследство. Т. 102. С. 354.

¹³ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 103.

¹⁴ Литературное наследство. Т. 102. С. 354.

ся сделанная его рукой помета: «1867, 19 февр(аля). И. А. Гончаров».¹⁵ Вероятно, собиратель автографов Барсуков обратился к Майкову с просьбой об автографе Гончарова, и тот ему отдал недавнюю записку, которой не дорожил. Показательно, что среди почти двух десятков сохранившихся писем Гончарова к Майкову нет ни одной случайной, бытовой записки, подобной этой, хотя их не могло не быть, учитывая характер отношений и частоту общения писателей. Очевидно, Майков такие записки просто не сохранял.

Случайно же сохранившийся клочок бумаги с торопливо набросанными строками позволил теперь дополнить и уточнить будущий комментарий к эпистолярным томам выходящего ныне академического Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова, а заодно обогатить историю русской цензуры небольшим, но достаточно характерным штрихом.

¹⁵ Там же.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

SUB SPECIE TOLERANTIAE

*Памяти
В. А. Туниманова*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2008